

Середа. 6-ого октября 69.

Casa Fumi, fuori di Porta Romana. Florence

Дорогой Папаша, не понимаю твоего письма к Мальвиде. Что ты желаешь, в сущности? Тебе кажется теперь слишком затруднительным устроить жизнь в Париже, или чересчур дорого, или ты думаешь, что Мальвида слишком à contre-cœur^{320*} соглашается?¹..

Если только трудно найти квартиру, мы можем еще подождать, потом остановиться не можно ли у Ага, т.е. в Женеве? А если, в самом деле, для тебя жизнь в Париже слишком дорога, назначь другое место. И не думай, что что (бы то) ни было надобно делать, чтобы меня “спасти”, как ты говоришь. Когда я думала, что я все кончила с П(енизи), мне было его страшно жаль, да к тому же я так боялась, что он решится на какую-нибудь глупость, что это меня совсем расстроило, – но вместе с тем я чувствовала себя освобожденной и была довольна, что кончила, – поэтому не бойся за меня – я все буду холоднее с ним, – письменно еще легче – конечно, но не хотела бы, чтобы ты из боязни за меня торопился, взял квартиру, слишком дорогую или неудовлетворительную, – потом пришлось бы жалеть. Поэтому еще раз *прошу* тебя, не думай, что меня нужно *спасать*, – не решай ничего второях из-за меня. Но когда все будет готово, мы приедем к вам... К чему уговаривать Мальвиду откладывать теперь? У меня очень сильная простуда, несколько дней нездоровилось, голова еще немножко тяжелая – но это ничего.

Прощай, обнимаю тебя, N(atalie) и Лизу и крепко, крепко вас целую.

Ваша Т а т а

Я писала Тхоржевскому о франц(узском) “Былое и думы”² – он отвечал, что ты собственноручно вынул этот том из моего ящика и взял его с собой в Париж.

Другого у меня нет.

Терезина вас всех целует; гордится, что Саша играет важную роль... Интересуется спорами его с Бачелли на конгрессе. В одном журнале было объявлено, что при открытии новой Спеколы были l’agrégé(prof) essore Alex(andro) Herzen colla sua Signora^{321*}. В этот день у меня была мигрень, я не пошла с ними.

¹ Письмо Герцена к Мейзенбург от 30 сентября (см. ХХХ, 203–205). Одобрив ее решение приехать с Ольгой в Париж, он в то же время просил и ее и дочь надлежащим образом обдумать этот вопрос, т.е. речь идет не о кратковременном визите, а о долгом проживании во Франции. Только приняв окончательное решение, они должны приступить к поискам квартиры.

² Это письмо Таты к Тхоржевскому остается неизвестным.

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Публикация Л.Р. Л а н с к о г о

Большинство сохранившихся писем Таты Герцен к мачехе написано в 1870-х годах, т.е. уже после смерти Герцена. Публикуемые относятся к числу *прижизненных* (1864–1869). Когда Герцен и Наталья Алексеевна жили под одним кровом, он, без сомнения, знакомился с письмами любимой дочери, обращенными к его жене, и поэтому их можно рассматривать в качестве звеньев общей его переписки. Как и в основном массиве писем Таты к отцу, в них отразились лучшие свойства ее незаурядной личности: искренность, душевная ясность, альтруизм. В этом отношении они заметно контрастируют с письмами адресатки, в которых чаще всего преобладают эгоистические тенденции, подозрительность и нетерпимость.

^{320*} нехотя (франц.).

^{321*} агреже (франц.) проф(ессор) Алекс. Герцен со своей Супругой (итал.).

Тата долго не выходила и так и не вышла замуж. Наталья Алексеевна вообразила поэтому, что подчерида ее обязана чуть ли не целиком отдаться воспитанию своей младшей сестры, тем более, что при рождении дочки в 1858 г. она полушутя “подарила” ее четырнадцатилетней Тате. Девочка приняла этот “дар” почти всерьез. Сохранилось письмо к ней Натальи Алексеевны от 30 декабря 1864 г., написанное в состоянии полного отчаяния, вскоре после гибели ее детей-близнецов:

“Тата моя, дай мне руку и послушай меня. – Лиза заставила меня перечитывать твое старое письмо, (написанное) после первого путешествия в Италию, в этом письме ты говоришь, что я тебе подарила Лизу; да, Тата, – вспомни про это, прости меня от всей души и прими вновь этот дар, дар последнего моего ребенка, уцелевшего чудом. Возьми ее, люби ее... помни, что она одна... Я чувствую, что не могу выздороветь для нее даже если б я и жила, все равно я не могу ни на что надеяться... Когда она вырастет, ты скажи ей, что я была очень виновата, любовь моя даже к моим детям была какая-то непросветленная любовь, безумная, она разрослась в страшное несчастье; может, с несчастьем я бы сладила – была бы вечно убитой, не склонилась бы голову перед нелепой случайностью – но Лиза должна знать, что я кругом виновата! и в их смерти, этого пережить нельзя, пусть она простит меня...”

Теперь ты поймешь, почему я тороплюсь с вами соединиться – мне надо только прощение... и уход для Лизы... Но ты не думай, что мой эгоизм до того доходит, чтобы подвергнуть ребенка второму потрясению... о, нет, все должно сделаться исподволь, по разуму. Сначала я буду тут, тогда она опять привыкнет к тебе, я буду ходить к дорогам могилам, где столько было незаслуженной любви ко мне, – возвращусь опять, взгляну на вас и потом уж уйду... Я бы не хотела, чтоб Лиза меня хоронила, не хочу этого, ей не нужно потрясения для этого, чтоб помнить меня, – пусть будет здорова и весела; когда будет большая, ты ей расскажи – она простит меня за мою страшную муку...

Гер(цен) и Ог(арев) одни будут хоронить меня, они уж так много вынесли, что могут проводить виновницу многих горестей в их жизни, – береги их, Тата, Ог(арева) много осталось в Лизе, он ее страстно любит, и Гер(цен). Тата, окружи его нежностью, которую я не сумела им дать... Он надломился этой смертью и едва ли воскреснет совсем...

Не говори всего, что в этом письме, что-нибудь помешает пониманию – а помни, что это единственный выход, единственный путь к покою...

Когда я тебе дарил Лизу, я тебя так же любила, как новорожденную, я не делила вас... забудем страшные годы, воротимся к этим дням для последних дней... Когда я думаю только, что скоро не увижу больше солнца, цветы, не услышу больше музыки, ничего, что ей так дорого было, о, как мне становится мрачно на душе – варвары люди, которые насильно заставляют жить... Они ведь не могут проникнуть в душу и понять, что там за яд...

Сегодня не пишу к Мейз(енбуг), что мне ей сказать: цель, говорит, Лизино воспитанье – ах, Тата, Тата, цепь скинуть поскорей, изгладить мое преступление(...)

Ну, прощай, пиши мне, вот уж три дня как Герцен уехал. Мы одни; бедная Лиза, она сильно поражена, и натура ее страшно сходна с твоей, вся внутри.

Она стонет и плачет, засыпая, вставая и во сне, – но мало говорит об них... Я думаю, она меня щадит. Когда она узнала о лелиной кончине, она тихо заплакала, как большая, и прижалась ко мне – с этого дня она стала говорить с трогательной любовью об мальчике – обманутая сама, я обещала ей скорое свиданье – тогда она просила так его портрет... Ты знаешь все... Взрыв ее горя был, когда Лелю понесли для операции, – Лиза так рыдала, что Мейз(енбуг) и я тоже не выдержали – под этим ужасом она согласилась ехать с чужой женщи(ино)й в чужой дом!

А Г(ерцен) – знаешь ли ты, что он держал головку ее², и кровь ее брызнула на него – пот градом с него катился. Если б ты знала, ты бы осталась с нами.

Твой подарок – самый хороший, самый раздражающий...” (Фотокопия РГБ с автографа ВВ)^{322*}.

“Ах, если бы решилась N(atalie) мне отдать ее на воспитанье (...) с каким удовольствием, с какой любовью я бы это сделала”, – писала Тата отцу о Лизе в 1867 г., почти через десять лет после получения ее в “подарок”, хотя и тогда уже понимала, что воспитывать капризного, испорченного ребенка бок о бок с вечно раздраженной, ревнивой, мизантропически настроенной матерью невозможно. Насколько мучительны и унижительны были для Таты даже элементарные уроки чтения и письма, которые она давала одиннадцатилетней Лизе, видно из ее полуюмористического-полутрагического сочинения “Фотографии (с оригиналов)”, написанного в 1869 г. Одна сценка в нем так и называется: “Урок” (РГАЛИ, ф. 21. 97, оп. 1, ед. хр. 619; см. выше с. 469).

^{322*} В другом письме, без даты (1862), хранящемся в том же архиве, Наталья Алексеевна писала: “Ну, прощай, моя Тата, вот тебе мое сердце как расписку; ты права, я подарила тебе Лизу, но ты, помнишь ли ты, что ты была моя, – будь опять моей, Тата, и все будет для меня хорошо и дома, как тогда”.

Письма публикуются впервые по автографам РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 595, л. 1–2об. (п. 1) и по фотокопиям РГБ с автографов ВН (п. 2–4). См. также “Лит. наследство”, т. 63, с. 514–518.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Во время смертельного заболевания дифтерией Лели-гёрл и Лели-боя Лизу взяла к себе писательница Евгения Тур (Е.В. Сальяс де Турнемир).

² Дочка Герцена Елена (Леля-гёрл).

1

⟨Середина февраля 1864 г.⟩

N 63, S.-Nicolo da Tolentino. Roma.

Верно, тебе надобно рассказать о бале¹, милая Натали, –

20 февраля. Суббота²

эти две строки я написала неделю тому назад. Теперь бал – дело старое, будет с того, что я очень веселилась. А насчет музыки, милая Натали, ты, верно, себе представляешь да думаешь, что у нас ссора была или что?? – ничуть – вот всё дело. Я тебе написала письмо после спокойного разговора с Мейз(енбуг). Я до твоего письма делала себе самой упрёки и решила говорить с Рауншильдом, она меня опять остановила отсоветывая – говоря, что ни к чему не поведет, – мне было очень досадно, не скрываю, – но и я раздумала, думая, что оставлю до возвращения, да написала тебе письмо несчастное и откровенно всё рассказала, – кончив, я минутку призадумалась (как будто совесть была чиста). Оставить мне письмо открыто или завернуть, т.е. сложить, – прочтет М(ейзенбуг) или нет, да потом самой стыдно стало такой мысли: во-первых, она не прочтет, ну да если прочтет, ведь ничего дурного не сказала, чистую правду, и что в самом деле думаю.

Итак, я письмо оставила *несложенное* на столе – и больше о нем не думала. Только вечером возвращаюсь да замечаю – что-то неладно – лицо обиженное, говорит-ся не совсем свободно да по намекам вижу, что письмо прочитали, – она мне и призналась, говоря, что никогда не делает, но, увидев шесть раз свое имя, не удержалась и с удивлением прочла пространный мой рассказ, что теперь только понимает значение разных намеков Папы и их источник, – что делать в таких случаях, особенно не чувствуя себя виноватой? – молчать – пока пройдет буря, – я сказала, что не понимаю, в чем дело и в чем обвинения, в последнем письме написала то, что думаю, и вообще всегда правду говорила; что совесть у меня чиста и грех ей обвинять меня, – да вышла из комнаты. Через четверть часа подали обед, всё уже прошло и шло по-прежнему, хотя меня очень оскорбило предположение, что я выдумываю или неправду пишу, – с тех пор я фортепиано не терпела, да и вам не хотела писать – будет об этом – и вы не беспокойтесь и не говорите больше – это была серая тучка, но она скоро прошла².

Теперь рапорт о работе – во время карнавала галереи заперты, поэтому я некоторое время ходила в ателие m-lle Volkmar Röhrs, ее друг, рисовала – я там сгибсовала (!) человечика “Muskelman”^{323*}, не знаю, как по-русски, – вот больше недели над ним мучаюсь и еще не кончила. Теперь хожу опять в галерею, директор торопит, говоря, что многие другие просются – по субботам продолжаю ходить к Линдемаппу – только раз в неделю...

На днях приехали Ножин и Steward³ – ты их не знаешь, но спроси Папашу – трудно найти смешнее пару – Ножин с своей болтливостью и живостью – как начнет говорить и “философствовать”, продолжает час, как заведенная машина, – что бы он ни говорил, Стюард сейчас обливаает холодной водой, своим ленивым ровным голосом. Они, как только приехали, сейчас пришли к нам вечером. Это была просто чудесная комедия. Мальв(ида) и я хохотали до слез. Дразнят друг друга и сами удивля-

^{323*} “мускулистого человека” (нем.).

ются, что соединились, – т.е. Ножин что(-то) сказал, Стюард сейчас: “Ну уж, конечно, не моя вина”. Н(о ж и н): “Как не ваша?” – С т(ю а р д) (разговор шел по-французски): “Хотите, я расскажу, как случилось... Ну, я был в Специи...”. Н о ж(и и) прибывает (!): “Нет, нет, дайте мне рассказать – представьте себе, мы год не видались”. С т(ю а р д): «В Специю я приезжаю из России. Давно хлопотал, чтобы сыскать его дом и неожиданно явиться, – вдруг встречаю его на улице – бегу к нему, а он с своим спокойным голосом протягивает руку и говорит: “Здравствуйте”, – как будто бы вчера еще виделись...» – С т(ю а р д): “Eh bien, c’est très naturel^{324*}, отчего человек удивляется? Хотите, я вам объясню”. – Н о ж(и и) вскакивает: “Несносно! объясните, что хотите. Я вас не понимаю”. – С т ю а р д: “Ну, человек удивляется, когда видит что-нибудь очень приятное и симпатичное или очень неприятное и несимпатичное), но так как вы на меня не произвели ни первого, ни второго впечатления, с какой стати мне было удивиться?...”

Но cela perd son charme^{325*}, когда лиц не знаешь.

Теперь прощай, всех целую да Лизу особенно, за письмеца. Книги “Колокола” и “Пунша” получены да портреты; благодарим за все.

Твоя Тата Герцен

Еще русский был у нас, молодой Щербачев⁴.

Plat(tenauer) скоро будет в Лондоне и, верно, имеет много okazji – можешь хлопотать об амазонке⁵.

Пожалуйста!!

¹ О своем намерении повеселиться на бале во время карнавала Тата сообщила отцу еще 29 января (см. выше ее письмо к Герцену от этого числа). В приписке от 20 февраля (дата приписана позднее на полях) она отметила, что бал, устроенный римским “ферейном”, уже кончился.

² Письма Н.А. Тучковой-Огаревой и Таты, о которых здесь идет речь, неизвестны. В них сообщалось о том, что Мейзенбург возражает против решения Таты брать уроки у Ольгиного учителя музыки – см. выше, в письме Таты к Герцену от 29 января 1864 г.: “У Таты с Мейз(енбург) полемика об музыке. Мейз(енбург) вдруг твердо стала против изучения музыки (Татой) – и это оттого, что ищет тишины. Это досадно, но, вероятно, они столкнутся на короткое время...” (XXVII, 421). О том, что Мейзенбург запирала рояль и не давала Тате ключ от него, упоминается и в ряде публикаций наст. тома, и в письмах самого Герцена.

³ Н. Д. Ножин и А. Ф. Стюард (Стюард) – молодые естествоиспытатели, студенты Уейдельбергского университета, революционеры; второй из них – член общества “Земля и воля”.

⁴ См. примеч. 2-е к п. 31 публикации писем Таты к отцу.

⁵ О высылке амазонки, т.е. платья для верховой езды, Тата просила мачеху в письме от 2 января (см. выше ее письмо к Герцену от этого числа).

2

9-ого июля 1869.

Locanda della Società. Antignano, près de Livorno

Итак, ты видишь, что мы все-таки решили остаться здесь в Antignano. Но прежде всего позволь тебя поцеловать, Natalie, и поздравить и желать тебе, чтобы жизнь твоя (и наша) устроилась как можно разумнее и приятнее!..¹

Отчаяние первого дня мало-помалу исчезло, мы помирились с Antignano, после того, как познакомились с большой террасой, на которой мы можем сидеть целый день, в тени, у самого моря. Воздух чудесный, Ольга даже жаловалась, что слишком свежо сегодня утром. Купальня у наших ног, как m-me Georges от Maison Robinée... Словом, нам здесь довольно хорошо, и мы наняли комнаты до конца августа. Поэтому пишите прямо сюда в Antignano...

Я, право, буду тебе очень благодарна, Natalie, если ты мне время от времени будешь присылать рапорты, как недавно из Женевы².

Ну так дай мне знать поскорей, что ты думаешь о Брюсселе. Как вы путешествовали? Не было никаких приключений с вами, как прошлого года в Альзасе? В Besançon'e?

^{324*} Что ж, это вполне естественно (франц.).

^{325*} это теряет свое очарование (франц.).

Ты знаешь, как Володя был болен, бедняжка. Как мы с ним мучались! Что это за нежные создания, эти ребятишки. Все нам показывали такое участие, сама старушка Шифф приходила, то купать, то нянчить Володю, и молодая m-me Шифф, словом, подконец, нас было слишком много. Саша отправился всех просить не приходить – и я осталась главной нянькой, дневной. Теперь, кажется, все идет ладно.

Мне кажется, вам не писали, какой у нас был сюрприз около недели тому назад в villino della Torre. Ранò поутру я была в самом большом неглиже, как вбегает Adelasia, наша старушка, зеленая от испуга, – она дрожала, как сухой лист на ветре, и все кричала непонятные слова. Наконец, я ее немножко успокоила, усадила в кресло и поняла, что, войдя в столовую на rez-de-chaussée^{326*}, она нашла окны и шкаф отворенные настежь, последний был пуст, а в нем береглось *серебро*, и серебро не наше, а m-me Schiff. Итак, этот неожиданный гость, выпивши четверть бутылки абсента (Шифф велел Ольге пить по ложечке в день), взял преспокойно скатерть, салфетки, даже кухонные тряпки, и в них завернул 6 серебряных вилок, четыре больших ложек и 4 маленьких – после чего исчез, – как явился, – т.е., всего вероятнее, в окно!

Теперь adieu – прощайте – обнимаю и целую вас всех, будьте здоровы и довольны.

Тата Г.

Какие новости из России – что пишет Тата Сатина? Что же ты мне не прислала ещё фотографию свою? Мне бы очень хотелось.

А ты, Лизок, что же ты мне ни словечка никогда не напишешь? А мне так хочется иногда знать, что ты делаешь, какие у тебя уроки, как тебе нравится Брюссель; умница ли дядя³ или он сердится иногда за то, что пробка слишком крепко сидит в бутылке? – приходится ли тебе его утешать? Попробуй мне рассказать что-нибудь.

Как мы бы хорошо купались, если б ты была здесь, – море такое хорошее.

Целую тебе обе щеки, будь умна и мила.

Скажи дяде в ухо – что финансовые дела Мальвиды и Ольги в довольно печальном виде.

Тата Г.

¹Н.А. Герцен поздравляет свою мачеху с “легализацией” ее положения, т.е. с “официальным” признанием ее женой Герцена, чего она так долго добивалась.

²Это письмо-рапорт Нат. Ал. из Женевы неизвестно.

³Дядей Лиза привыкла называть Герцена.

Видишь, милая Natalie, все устроилось отлично, мы все едем к вам в Париж. Я сейчас решила по получении Папашиного письма¹ и ждала только Ольгиного ответа, чтобы тебе писать. Она и Мальвида возвращаются на днях, чтобы устроить и разобрать вещи – что брать, что оставить.

Итак, ищите квартиру и пишите, когда ехать; что Папаша ни говори о здоровье Мальвиды, я знаю, что она слаба и страдает. Надобно найти и устроить ей теплую, тихую комнату, чтоб она могла спокойно заниматься, продолжать мемуары и ложиться хоть в 8 или 9 часов вечера. Нельзя ли бы устроиться в окрестностях Парижа? Или это затруднительно и сложно зимой? Судя по тому, что мне говорят, мы не найдем квартиры, удобной для нас, платя меньше 8–10 000 frs в год. Это ужасно!

Посылаю тебе карточку свою и портрет твоей работы, за которую еще раз те-

^{326*} нижнем этаже (франц.).

^{327*} Возможно чтение: 29-го. – Ред.

бы благодарю и целую. Я тебе покажу новый genre работы, может быть, тебе понравится. М-ме Шифф нам показала, как вышивать по кисее, – мило и нетрудно...

Продолжаешь ли ты перевод с немецкой книги? Я буду тебе помогать, если ты не кончила, а если кончила, приготовь что-нибудь другое. Без тебя я не могу, я все-таки плохо знаю языки. Хотелось бы мне продолжать заниматься итальянским языком – в Париже. Тебе не хочется ли? Можно бы вместе.

Где мои зимние вещи? Уложенные в *серый* чемодан – в Париже, нужно будет – и бархат пригодится, может быть...

До свидания, Natalie, обнимаю и крепко тебя целую...

Так как ты решилась сделать портрет, ты решишься сделать и другой. Фотография не удалась, я пойду с тобой и устройу получше...

Еще раз тебя целую.

Т а т а

Как тебе нравится Володя? Что, Лиза будет ходить в школу или учиться с учителями?²

¹ Не дошедшее до нас письмо Герцена, о котором он сообщал Огареву: “Я писал Тате, чтоб она ехала, если хочет, сюда и советовал ей удалиться от истории Пенизи” (XXX, 201; ср. “Список несохранившихся и найденных писем Герцена” – XXX, 463, № 47, где датируется: “До 29/17 сентября 1869 г.”, из публикуемого письма явствует, что оно должно быть отнесено к 17 или 18 числу – ср. ЛЖГ V, 256).

² Ответ Натальи Алексеевны неизвестен.

4

Casa Fumi. Porta Romana. Firenze
12-го октября 1869

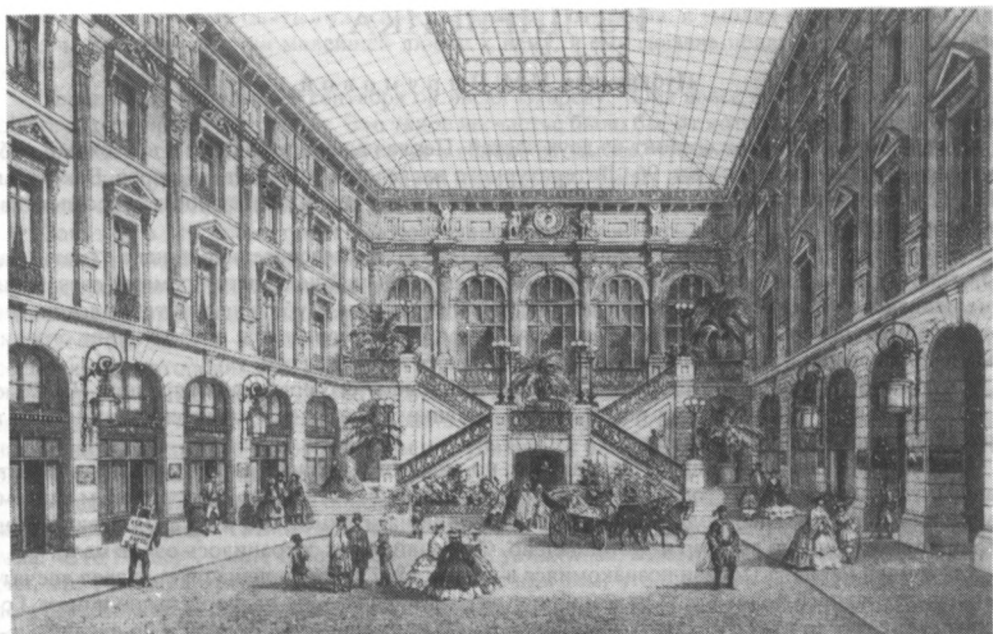
Ждем окончательного приказа!

Ты спрашиваешь, милая Natalie, как случилось, что вдруг все решились ехать к вам¹. Дело в том, что это совсем не сделалось *вдруг*; может, вам так показалось издали, но, в сущности, мы не переставали об этом говорить и *до* отъезда в Antignano, и в самом Antignano. Я видела, что Ольга не только не прочь, но желает ехать к вам; что задерживает ее только действие северного климата на здоровье Мальвиды. Я стала Ольгу подкреплять, а Мальvidу уговаривать... Не знаю, как устроится наша жизнь, но, по-моему, необходимо сойтись и стараться всеми силами устроиться так, чтоб всем было по возможности хорошо и чтоб все шло гармонично. Я это постоянно повторяла. Впрочем, Мальвида со мной согласна; натурально, что она желала, чтобы Папаша поселился окончательно где-нибудь. Чтобы удовлетворить *и Папашу и Мальvidу*, я сделала все усилия, чтоб вас уговорить спуститься немножко на юг. Видя, что ничего из этого не выйдет, что Папа не решится пожить в Италии, хоть на пробу, – что ему так хорошо на севере, я стала работать в другую сторону, т.е. уговаривать Мальvidу ехать к вам. Папашины письма Ольге я пересылала, прибавляя всегда, что, по-моему, наш долг ехать непременно к вам – что я поеду во всяком случае; тогда Ольга решилась и написала вам, – поэтому тебе показалось, что все сделалось вдруг, милая Natalie, – а в самом деле все это длится месяцы и годы.

Вчера вечером я объяснилась с П(енизи) и все кончила. – Что он намерен делать, не знаю – потому что он ушел ужасно взволнованный и торопливо. Но будьте уверены, что *все кончено*, и пусть бедный Папаша совсем успокоится... Может быть, он просто решится остаться в дружеских отношениях, как разумный человек, как Гуго Шифф. Я сама сильно сомневалась, что он решится на “глупость”. Конечно, я называю глупостью *то*, что он мне говорил о самоубийстве, – я знала (хотя он сам мне не говорил об этом), что у него был постоянно яд под рукой. Я хотя и не совсем верила, но все-таки же минутами казалась, что сицилианская кровь на всё способна, и я страшно боялась².

Natalie, не лучше (ли) выбрать другое место для соединения, нежели Париж? что же делать; все показали *ваше volonte*^{328*} – но доходы от этого не увеличиваются. Ясно, что жизнь в Париже невозможна с нашими средствами, – ну попробуем юг –

^{328*} волеизъявление (франц.).

ПАРИЖ. GRAND HÔTEL DU LOUVRE (ВНУТРЕННИЙ ДВОР)

Литография неизвестного художника, 1860-е годы

Из альбома: Paris moderne. Grand Album representant les Vues et les Monuments les plus curieux de Paris (...). Paris, s.a.
 В Grand hôtel du Louvre Герцен жил в августе 1869 г.

хочешь? Попробуем Италию, – а когда получим имение из России, тогда поселимся в Париже. Ах, если б не эта глупая история П(енизи) – я стала бы опять просить вас и всеми силами уговаривать попробовать Флоренцию. Виллы просто прелесть и к тому же оканчивают теперь громадную новую прогулку вокруг всего города – ломают стены, чтоб увеличить столицу³. Понимаю, что Папашу не может вполне удовлетворить жизнь здесь, это ясно – но что же делать, если Париж оказывается невозможным с нашими требованиями и средствами? Флоренция и Неаполь, конечно, лучше Ниццы или Женевы – не правда ли? Но Турин и Милан ужасны.

Попробуем, пожалуйста, милая Natalie. Поговори серьезно с Папашей. Может быть, П(енизи) уедет – может быть, будет так тихо и разумно себя держать, что мне не нужно будет уезжать. Но, а если Папаше очень хочется провести зиму в Париже, несмотря на то, что жизнь так дорога, – пусть он знает, что мы совсем готовы и ждем только его знака, – если для всех невозможно – то я одна поеду к вам и, пожалуйста, не думай, что меня пугает “фальшивое положение”, я и не думала об этом. Обнимаю и целую вас всех крепко.

Ваша Т а т а

13-ого окт(ября) 69

(28-ого рождение Мальвиды.)

Папаша спрашивал о Мещер(ском). Я долго не имела известья, потому что пропустила срок – т.е. долго не отвечала ему. Он уехал из Alexanderbad'a – я не знала, куда писать, и была уверена, что он давно в России. Но Саша получил депешу от него из Hamburg'a, он спрашивает, где я, – мы отвечали, что покамест здесь. Должно быть, я скоро получу письмо от него⁴.

¹ Ответ на неизвестное письмо Нат. Ал.

² См. ниже предисловие Н.М. Пирумовой к дневниковым записям Таты от осени 1869 г.

³ Флоренция была тогда столицей объединенной Италии.

⁴ Письмо Герцена с запросом об А.А. Мещерском неизвестно. Не сохранилась и переписка, о которой упоминается в этом абзаце.